

АВАНГАРД
ПЕРСОНА

БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ

Художник Анатолий Брусиловский. Сюрреалист и первопроходец боди-арта. За прошлый год выпустил две книги (хотел три, но дело затянули издатели). Одна из них — «Студия» — это не очередные воспоминания о «легендарных шестидесятых», а творческий портрет Москвы и автора

Дарья АКИМОВА

Москвы, в которой помимо официального законопослушного искусства существовали полулегальные «клубы» — студии художников и поэтов андерграунда. Автора, в чьей почти «парижской» мансарде-мастерской на Новокузнецкой («навесной» потолок собран из русских шалей, а вместо пледов лежат медвежьи шкуры) бывали в шестидесятые-семидесятые годы Эдичка Лимонов и художники-лианозовцы во главе с «патриархом» Евгением Кропивницким, послы иностранных держав и непрезентабельный гений Анатолий Зверев, Илья Кабаков и Алла Пугачева, Микеланджело Антониони и просто красивые девушки. Все они оставляли автографы в большой амбарной книге (аналог — «Чужакала» Корнея Чуковского), которая и послужила основой для «Студии». Теперь Брусиловский живет в Германии, время от времени совершая набеги на Москву.

— Анатолий Рафаилович, как вы себе в качестве писателя?

— Потрясающе! То время — оно было для разных «шестидесятников» разным. Правозащитники, например, вспоминают эту эпоху как жуткий, черный кошмар. Они осознанно выбирали свою судьбу, они знали, что их ждет. Но они выходили на Красную площадь, а потом был арест, Бутырка, Лефортово — и долгая отсидка в лагере.

А для меня этот период — самый яркий в моей жизни. Вот мне прислал очень теплое письмо полномочный посол Великобритании сэр Родерик Лайн, который в моей книге автографов двадцать шесть лет назад отмечался. Тогда он был молоденький третий секретарь посольства. Эти люди, дипломаты, нам давали

ощущение того, что мы вполне нормальные творческие люди. Что мы не приспешники империализма, которые продали Родину за чечевичную похлебку.

Меня, конечно, страшили — вызывали на «собеседования» в Министерство культуры. Министр культуры и за отдельным столиком — госпо... товарищи, по которым очень легко прочитывалось, кто они такие. Они задавали страшные вопросы: «Как попадают ваши вещи на Запад?» — «А в мой студии нет паспортного режима». На что один из товарищей заметил: «Значит, вы и меня пустили бы к себе в студию?» — «А почему нет?» — «Ну да!» — «Да ради бога! Вот я перед вами, договаривайтесь, приходите, я у вас не буду спрашивать, кто вы такой — это мне неизвестно. Может быть, вы американец. Они обалдели от такой наглости. И так и не пришли.

— Вы совершенно не похожи на унылого ностальгирующего шестидесятника.

— Видите ли, у меня открылось второе дыхание. К середине восьмидесятых у художников было глубокое чувство полной бесперспективности. Мы все сто процентно были уверены, что советская власть — навечно. Изменить что-либо было не в наших силах. Это привело к тому, что многие, в том числе и я, ушли в частную жизнь.

Я стал в этой мастерской устривать костюмированные балы, собирать коллекции. Придумал боди-арт. В 1969 году. Задолго до панков и культуры макияжа ко мне пришла идея: почему не использовать женское прекрасное тело как холст! Победное шествие боди-арта прошло по всему миру стопроцентно после моего опыта!

И тут вдруг началась перестройка. Я поехал в Париж в конце 1986-го. Оказалось, мы, русские художники, за нашим железным занавесом вполне конкурентоспособны. Мы не были маргиналами! Это было откровением жизни.

Я проехал множество стран, жил в них подолгу. В Амстердаме, в Риме, в Штатах, в Париже. Я никуда не эмигрировал и был одним из первых, кто поехал на Запад как нормальный художник из нормальной страны. Это было шоком для тех, кто некогда имел несчастье покинуть родину навсегда.

Я объездил весь мир. Влюблен в китайцев — они все сверкают улыбками. Наконец я оказался в Германии, живу там уже одиннадцать лет. Мне захотелось примерить на себе, что такое для художника жить там. При всей моей необычайной способности вживаться в ситуацию (по зодиакальному знаку я Близнец и Обезьяна) в Германии мне пришлось очень трудно ментально. Немцы — люди традиционно очень закрытые, у них отношения разворачиваются годы.

— Знакомых по советской России встречаете?

— Дипломатов. Многие ушли на покой, у всех вицлы, и все

говорят: «Как корошо было в Москве! Помнишь, как ми тебе позвонили в двенадцать часов ночи! А ты — приезжайте! Приехали — весело! Интересно!» На что я: «Кlaus, а что же вы тут? У тебя есть деньги, вицла! Звони — я примчусь, будем пить всю ночь, говорить о политике, искусстве, женщинах!» Он сразу... «О, ти знаешь, у нас это нефосможно. За две недели нужно приглашение. Домой приглашать нехорошо, мой дом — моя крепость». И все. Только в Москве они глотнули счастья жизни: очаровательные девушки, веселые люди, артисты!

Когда-то, еще при Брежнев, один мой друг, телевизионщик,

Граждане-товарищи, избавляйтесь от табу, вам же лучше будет!

мне сказал: «Анатолий, давай снимем фильм о твоей студии. Я хочу показать, как в Москве живут. Сколько можно показывать все ужасное! Немцы ничего не знают о Москве!» Я собрал здесь поэтов-художников, всю компанию, устроили несколько камер, свет, Белла Ахмадулина читала стихи...

Это был первый фильм о людях андерграунда, который увидели в Германии. Реакция была потрясающей. «Такого не может быть, это подстроено! Красивые элегантные люди, огромный зал, шампанское, цветы... Вранье, постановочная лабуда! Режиссер проданся большевикам!»

— В Москве вам уютно?

— Мне замечательно в Москве! Я урбанист. В Германии очень провинциально, городочки маленькие, вернисажи выставок пустынные: люди ходят молча. Пройдут мимо картин с бокалом вина — и уходят.

Поэтому, когда я приезжаю в Москву, особенно зимой, окунаюсь в нашу бурность — в выставки, в прессу, которая сильно пожелтела, это правда, но зато восполняет недостаток тех духовных витаминов, которыми нас никто не кормил.

В Москве очень милые люди, их абсолютно не испортили ни кризисы, ни дразги. Огромное удовольствие — то, что я общаюсь с людьми куда более молодыми. Мне с ними легко. Так случилось, что у меня в студии стали появляться молодые люди, именуемые в прессе «новыми русскими». Вот загляните в конец моей книги с автографами друзей. Видите? Однажды пришли «новые» ребята, сказали: «Боже, как нам хочется туда попасть!» Им было сказано: «Делайте, что хотите». Они взяли — и наклеили на чистый лист сто долларов и даже своих имен не поставили. Да они будут через поколение самые нормальные рябушинские и третьяковы! Не все, но будут, я вижу. Они стараются!

— А ваши сверстники сдали позиции?

— Конечно, моя генерация сильно поредела. Одни померли, другие развехались. Но на открытии выставок, а их очень много, я постоянно вижу вполне нормальных, свободных людей. Они не производят впечатления задвинутой нищеты. Да, многие из них жалуются. Но кто не жалуется? Я не знаю на Западе художника, который не жаловался бы на тяжелые условия работы. Такова человеческая натура. Кроме того (это я могу сказать как психоаналитик, фрейдист) понимаю, зачем люди жалуются: это прекрасный первичный толчок для общения. Вот встречаются двое малознакомых людей. Ну что сказать, чтобы разбудить теплые чувства? Рассказать, как тебе плохо. Это сигнал: я тебя считаю за доверенное лицо. Так что жалуйтесь на здоровье!

— Вы любвеобильны?

— Очень. Именно это чувство меня и держит на земле. «Любовь» можно разделить на массу градаций, и всю эту шкалу я принимаю безоговорочно. Любовь — показатель витальной силы. Вот пока человек любит — он живой, яркий, веселый, ему хорошо на свете. А как только ему некого и незачем любить — все, делать на земле больше нечего. Привет и до свиданья.

— Вы верите в мистику?

— Да. Откройте хотя бы мою книгу друзей. Вот автограф прошедшего через лагерь художника Юло Соостера: разлетающееся на кусочки яйцо, в котором лежит мертвый птенец, ниже его рукой написано: «Продолжение следует». А буквально через несколько дней Юло умер.

— Где вы изучали психологию?

— Я этим занимался сам, собирал у букинистов книги двадцатых годов — библиотечка называлась «Психология гениальности».

Я закончил художественное училище в «далеком провинциальном городишке» — Харькове (родился я в Одессе), а по его окончании сразу попал в армию. Служил в танковой дивизии на Украине. Это был 1953 год, Берия после смерти Сталина выпустил по амнистии уголовников. И все они, молодые, попали в армию — рецидивисты, убийцы,

воры в законе. И с этими голубчиками — юноша из рафинированной писательской семьи.

Выход? Самоубийство, уход в себя. Либо вы делаете все, чтобы рассматривать все вокруг как веселые приключения. Янки при дворе короля Артура! На вас налегают противозакон и гонят двадцать километров по степи. Вокруг падают молодые здоровые парни, а ты бежишь. Почему? Потому что думаешь: «Добегу? Нет? А если да, то ведь как я смогу потом рассказывать об этом! Это лучше Хемингуэя! Ну где бы в нормальной жизни мне дали автомат?»

— То есть пройти надо через все?

— Через многое. Я думал в свое время: «Что будет, когда мои родители умрут?» Меня это потрясло, я их очень любил. Но все-таки нужно было пережить это и почувствовать: все умрут. Слава богу, если дела останутся. Вот ты помер, а книгу твою читают. Это значит, что ты жив. Детей нарожал, создал дом, в кино работал, книги написал. А что ты еще хотел?

Я себя гениальным не считаю. Просто — спасибо Тебе за дар жизни. Я только постарался отплатить Тебе тем, что себя про-явил.

Я, кстати, вполне уважаю авантюристов, если они очень яркие. У меня есть друзья — не бандиты, но о-о-о-о-очень авантюрные люди. Мне часто приходится спорить с коллегами, которые говорят о ком-нибудь: «Какой мерзавец, а мы его так любили!» Да вы что? Человек себя проявляет, и что с того, что вам не нравится?

— Вашим близким с вами, наверное, очень легко.

— Нет, наоборот, я не тешу себя иллюзиями. Я считаю себя прагматиком.

Для меня было очень важно освободиться от воспитанческих советских иллюзий. Затем наступило время избавления от иллюзий о чудном Западе. Затем — от запретов на творчество. В СССР ведь нельзя было заниматься абстракционизмом, кубизмом и эротизмом. Я занялся. Вот когда я создавал эротический театр, зачем мне это было надо? Я что, эротоман? Психопат? Просто для меня эротика была одним из многих советских табу: нельзя заниматься абстракцией, сюрреализмом, эротизмом. А я говорил: «Граждане-товарищи-друзья, избавляйтесь от табу, вам же лучше будет! Ведь так прекрасно человеческое тело и чувства, которые оно вызывает!» Вот этой борьбой с табу я делал и для себя важное дело — «промывал» свой взгляд.

Однажды я сказал себе: «Хочу прожить жизнь, принимая мир таким, какой он есть». И поэтому он меня не пугает и не разочаровывает.